

щаясь съ людьми, мы всѣ жадно ищемъ полнаго выраженія въ человѣкѣ духа и загораемся отъ его проблеска». Ибо тѣмъ самыи мы ищемъ высвобожденія самого себя, своей подлинной сущности изъ-подъ тяжести материальныхъ условій существованія. Въ насть какъ будто безсознательно, подъ спудомъ, хранится смутное убѣженіе, что «каждый изъ насъ это—свѣтъ, божественная сущность, любовь, сынъ Божій, заключенный въ тѣло, въ предѣлы»... Въ каждомъ какъ будто слышится сознанію непрестанный зовъ: «Возвращайте душу къ сознанію своего божескаго начала и своей божеской природы».

Само собою разумѣется, что въ такомъ со знаніи себѣ самого заключается и уразумѣніе какъ смысла жизни и содержанія ея, такъ и принциповъ жизненнаго поведенія и всѣхъ ея задачъ. Толстой все пребываніе человѣка въ этомъ мірѣ отъ рожденія и до смерти сводить къ одному: «къ рожденію въ немъ духовнаго существа». Надо служить Богу, надо служить искрѣ Бога въ себѣ самомъ, надо служить собственному духовному «я», осуществляя его цѣли и влеченія.

Вмѣстѣ съ признаніемъ себѣ какъ частицы безконечной всемірной истины, перемѣщается и пунктъ нашего жизненнаго утвержденія. Изъ круга ограниченныхъ вицѣниихъ интересовъ и необходимостей, кончающихся